

УДК 94 (6)

Лошкарёв И.Д., преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

РАЗВИТИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭТНОСА ОРОМО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЭФИОПИИ (XVII-XX ВВ.)

В статье рассматривается эволюция идентичности этноса оромо в политических условиях Эфиопской империи. Наличие религиозных, территориальных, социально-экономических разделительных линий было обусловлено процессом расселения оромо на территории к югу и западу от Эфиопии. Многие внутренние различия между оромо вызваны тем, что часть оромо стали частью империи, а некоторые представители даже стали частью эфиопской имперской элиты, в то время как другая группа оромо оказалась в составе Эфиопии только в конце XIX века, то есть не чувствует глубокой привязанности к эфиопскому государству. Автор приходит к выводу, что формируется новое качество идентичности оромо, которое основывается на возникновении общих политических и культурных интересов.

Ключевые слова: Эфиопия, оромо, галла, империя, национальная идентичность.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-105-110

Национальное самосознание этнической группы оромо, которая проживает в Эфиопии, стало развиваться только в XX столетии. Отметим, что оромо до сих пор не представляют собой консолидированную группу, поскольку серьезные конфессиональные, бытовые и культурные различия с течением веков только усилились. Причина таких серьезных различий заключается в том, что оромо начали прибывать на территорию современной Эфиопии лишь в XVI веке. Было несколько волн миграции, существенно сдвинувших западные и южные рубежи Эфиопской империи, которая ослабла в войнах с мусульманскими сомалийскими султанатами на востоке и не могла дать отпор новой угрозе. Несколько веков миграции оромо привели к тому, что они продвинулись в самые «коренные» эфиопские провинции – Шоа и Уолло. Но постепенность миграции вызвала и последующее разделение: те, кто оказался ближе к границам империи или даже в ее составе, – приняли христианство и восприняли имперскую культуру, а те, кто поселился в позднейших провинциях Бале, Сидамо, Илюбабор и Каффа – позднее исламизировались и оставались вне империи до конца XIX века. Это отразилось и на роде занятий оромо – христиане стали преимущественно крестьянами, а мусульмане сохранились кочевой и полукочевой образ жизни¹.

Очень интересна история с этнонимом, который долгое время употреблялся в отношении оромо – галла. Точный перевод этого

слова неизвестен, но предположительно оно может значить «отвергнутые им (Богом)» или «возвращайтесь домой». До второй половины XX века этот этноним преобладал при обозначении оромо. В XVIII-XIX вв. данное слово в представлении элиты Эфиопской империи действительно обозначало мигрирующих оромо. Однако затем, при повторном освоении южных и восточных территорий понятие «галла» стало обозначать покоренные народы (не только оромо), которым в империи суждено было довольствоваться подчиненным положением (то есть местный аналог античных *варваров*). Примечательно, что этот термин активно использовался и знатью оромо, которая в значительной степени ассимилировалась и плотно включилась в общеимперскую элиту путем брачных связей [3, р. 70-71].

Впервые в эфиопских хрониках масштабные столкновения с оромо встречаются в правление (1563–1597 гг.) императора Сарса-Денгеля (встречается написание Сэрцэ-Дынгыль – И.Л.), который вынужден был не только воевать с волнами мигрирующих кочевников, но и разрешать им поселение в западных и северных регионах тогдашней Эфиопской (Абиссинской) империи.

Сближению Эфиопской империи и оромо (тогда еще – галла) «помог» случай. В конце XVI века один из вооруженных отрядов оромо захватил в плен представителей младшей линии императорского дома – князя

¹ Безусловно, данный тезис содержит некоторое упрощение. Сохранилось немало оромо с традиционными верованиями, мусульман-крестьян из числа оромо.

(абето) Фасиледеса и его сына. Затем их отпустили. Вероятно, нахождение в плену позволило эфиопским аристократам лучше понять потенциал оромо. Сын Фасиледеса Сусейнос (Сусныйос) был одним из двух-трех основных претендентов на престол, поэтому в ходе последовавших интриг и конфликтов искал спасения в землях оромо в 1593 году. Позднее старшая линия правящей династии все же пресеклась, и Сусейнос стал императором (1606-1632 гг.). Новый правитель рассудил, что исламская угроза с востока (с территории современного Сомали) опаснее, нежели натиск кочевников с юга, и поэтому стал включать отряды оромо в свое войско, поощрял христианизацию знати оромо [4, р. 25-28]. Примечательно, что во время пребывания в плену Сусейнос прошел обряд инициации в племенной группе борана и стал «сыном борана», то есть своим для племенной знати [5, р. 260].

В благодарность за помощь в получении императорского престола первый император-«сын борана» предоставил множеству оромо земли в провинциях Годжам и Бегемдыр, причем количество получивших землю было так велико, что императору пришлось отобрать часть владений у церкви. В его армии оромо на равных служили с представителями других этнических групп, а некоторые представители получили продвижение по службе. Например, известно, что знатный оромо по имени Буко получил титул джазмач и должность губернатора области Дамот (западнее Шоа).

В то же время, Сусейнос понимал, что слишком большое число оромо в центральных районах Эфиопской империи способно вызвать раздражение и непонимание широких слоев населения – от знати до крестьян. Поэтому император обратил оружие против некоторых групп оромо, активно защищал от них провинцию Годжам. Впервые в эфиопской истории император потребовал от губернаторов и местных чиновников собирать информацию о внутреннем устройстве общества оромо, имевшихся и потенциально возможных разногласиях [5, р. 274-277].

В долгосрочной перспективе это способствовало сближению оромо и коренных этносов Эфиопии – тиграйцев и амхара, сокращению культурной дистанции между

ними. Оромо постепенно становились участниками внутриимперской политики. В частности, примеру Сусейноса следовали и некоторые другие претенденты на престол. Например, спасение на землях оромо в период обостренной борьбы за престол нашел будущий император Бакаффа (1721-1730 гг.).

Основной формой самоорганизации оромо стали вождества (племенные или клановые конфедерации), образование которых, по всей видимости, было вызвано утратой коммуникации между различными группами мигрировавших оромо. Из-за небольшого количества письменных источников реконструировать этот этап истории оромо достаточно сложно. Изначально существовало две крупных группы среди оромо – баренту и борана – однако постепенно внутри них образовались многочисленные клановые, племенные и географические группы и де-факто субэтноты, удовлетворительной классификации которых пока не существует.

По устным источникам и немногочисленным сведениям из эфиопских хроник можно предположить, что первыми конфедерациями оромо были Афре и Садача, которые располагались западнее Эфиопии в середине XVI века. В возникновении этих конфедераций, судя по их названиям, было немало случайного: в одном случае объединились четыре племени (рода), в другом – три¹. Во многом, такие объединения оставались ситуативными и возникали для ведения совместных на западе и северо-западе Эфиопской империи [4, р. 23, 35-37]. Предположительно, такие конфедерации во главе с постоянными лидерами постепенно заменяли общую для оромо систему выборных вождей (*gaad*), которая, однако, в каком-то виде сохранялась – в особенности, у борана.

В XVIII веке значимым для всей Эфиопии стало племя йеджу из числа северных оромо. С середины XVII столетия императоры пытались сдерживать натиск йеджу, но постепенно последние поселились в северной части тогдашней Эфиопии. Йеджу в значительной мере контролировали провинцию Бегемдыр на северо-западе империи и в какой-то момент стали опорой императорского двора, который размещался в этой провинции, в городе Гондэр. Пиком этого влияния считается правление Ио-

¹ На языке оромо: *afur* – четыре, *sadi* – три.

аса I (1755-1769 гг.). Знать во главе с прабабушкой императора, вдовствующей императрицей Ментеуаб, рассчитывала управлять государством вместо Иоаса, однако молодой «царь царей», который по матери принадлежал к йеджу, стал опираться на родственников матери и попытался оттеснить прабабку от управления. При дворе Иоаса I возникла императорская гвардия из оромо, император стал опираться на оромо-военачальников – в частности, на князя Варагну, губернатора Дамота, назначенного на пост еще при императоре Бакаффе. Более того, Иоас I поразил имперскую знать общением на языке оромо, а затем попытался назначить своего дядю Бирале губернатором провинции Бегемдыр, хотя негласно эта должность должна была достаться сыну покойного губернатора. Однако знать не приняла такого культурного поворота, и позднее император был свергнут и убит губернатором северо-восточной провинции Тиграй.

Собственно, со смерти Иоаса I принято отсчитывать «время князей» – период смуты и раздробленности в истории Эфиопии. В стране формально сохранялось императорское правление, однако императоры лишились всякой власти. Интересно, что сын вождя йеджу сделал карьеру при императорском дворе и вскоре стал губернатором (расом) провинции Бегемдыр, положив начало династии губернаторов – регентов при императорах. Это продолжалось весь период «времени князей» до 1853 года, пока зять последнего регента – будущий император Теодрос (1855-1868 гг.) – не одержал над тестем победу.

Таким образом, в период до середины XIX века часть оромо, осевшая преимущественно на северо-западе и даже на севере от Эфиопской империи (в Годжаме и частично Уолло), стала активно включаться в общеимперский культурный контекст, а со временем приобрела некоторое влияние при дворе. В то же время, сообщения о войнах империи с другими оромо (галла) подразумевают, что оромо действовали разрозненно и не составляли единого целого – в политическом смысле слова.

На западе и юге от Эфиопии в XVIII-XIX вв. широкое распространение получили небольшие политические объединения оромо –

преимущественно мусульманские. В частности, на юго-западе протогосударства (вождества) оромо фактически заменили более ранние государства этноса сидамо – так появились султанаты Лимму-Энареа (существовал до 1891), Гера (до 1887), Гомма (до 1886), Гумма (до 1902) и Джимма (до 1932). На западе граница расселения оромо доходила до государств Илюбабор и Каффа. В этих государствах религиозная принадлежность населения была смешанной (от ислама до анимистских культов). Илюбабор был завоеван Эфиопией в 1889 году, Каффа – только в 1897 году¹.

Восточным рубежом расселения оромо стал Харэрский эмират, населенный преимущественно сомалийцами и местным этносом харари. На севере от Харэра проживал клановая группа оромо – ноле, на западе – клан алла. Вместе с кланами оборра и бабиле данные группы оромо сформировали конфедерацию Афран Куаллу («Четыре потомка Куаллу»), с традиционными формами управления – выборными вождями, собранием старейшин. Если в XVII-XVIII вв. столкновения Харэрского эмирата с оромо были достаточно интенсивными, то постепенно часть оромо осознала выгоды от торговли с побережьем Аденского залива и от сохранения Харэра как площадки для торговли и нейтрального места для переговоров. К середине XIX столетия некоторые оромо из кланов ноле и алла перешли к земледелию или собирательству, стали поставщиками молока, топленого масла, дикого шафрана (краситель), кофе. Один из претендентов на престол эмирата в Харэре также как и император Сусейнос прошел процедуру усыновления, стал «родным» для всей конфедерации Афран Куаллу и, в итоге, был известен как эмир Мухаммед (1856-1875). Жители Харэра и местные сомалийцы не приняли правление эмира, так что Мухамед был вынужден опираться на оромо – регулярно одаривал их и разрешил им массовое пребывание в городе, а также обеспечил доступ к водным ресурсам. Одновременно эмир способствовал массовой исламизации оромо в окрестностях эмирата – рассылал проповедников, предоставлял льготы мусульманам-оромо [2, р. 369-373, 379]. За полвека конфедерация Афран Куаллу из преиму-

¹ Вместе с вышеупомянутыми султанатами оромо государство Каффа составило имперскую провинцию Каффа. Илюбабор стал отдельной провинцией.

щественно анимистской превратилась в преимущественно мусульманскую¹.

В целом, распространение ислама среди оромо, живших вне территории Эфиопской империи в XVIII-XIX вв. было обусловлено наличием нескольких торговых путей с территориями современной Кении и Уганды, которые были связаны с рынками Аравийского полуострова и Средиземноморья. Эти пути, главным образом, вели к портам в Аденском заливе (Зейла, Бербера, Таджура, Масауа, Суакин), которые номинально контролировала Оттоманская империя: торговлю вели преимущественно мусульмане, причем многие пути шли в обход Эфиопии. С земель юга современной Эфиопии, Кении и Уганды мусульманские торговцы вывозили золото, рабов, ароматические вещества и кофе², а местные правители и вожди из числа оромо становились участниками этой торговли: поставляли рабов из числа местного населения или получали прибыль от транзита товаров.

Новые политические условия для формирования национального самосознания оромо сформировались в результате экспансии Эфиопии в конце XIX столетия. Необходимо отметить, что во многом эта экспансия была вынужденной мерой, поскольку в регион начали активно проникать колониальные державы (Великобритания, Франция, Италия) – особенно, после открытия Суэцкого канала (1869). На западе от Эфиопии Египет при поддержке англичан покорил султанаты Сеннар и Дарфур (1821, 1870) на территории современного Судана. В 80-е гг. XIX столетия Франция подчинила часть побережья Аденского залива, а в 1882-1890 гг. Италия смогла сформировать там собственные колониальные владения, хотя территория формально подчинялась Османской империи и Египту. Иными словами, в действиях Эфиопии можно было усмотреть защитную реакцию, стремление сохранить самостоятельность.

В результате расширения территории Эфиопии на восток и юг, в рамках империи оказалось подавляющее большинство оромо. Протогосударства оромо (Каффа, Гомма и другие) оказали сопротивление войскам

империи. Однако были и исключения. Правитель государства Джимма Абба Джафар II согласился на все условия эфиопского императора, в том числе, выплатил немалую дань. А правитель государства Лега-Негамте Кумса Морода даже принял христианство и был назначен губернатором новообразованной провинции Уоллега, в которую вошли земли его государства. Род Кумсы Мороды вошел в имперскую элиту: его двоюродный племянник Уилма Дересса позднее министром финансов и иностранных дел при императоре Хайле Селассие I (в 1957-1970 гг.).

Формирование представлений об оромо как о единой нации было связано с формированием литературного языка оромо. Еще в XVIII веке мусульманские проповедники стали переводить на язык оромо религиозную литературу (на диалект афаан), используя абутиду (эфиопский алфавит) или адаптированную арабскую вязь. В 1899 году два человека, освобожденные из рабства и прошедшие обучение в шведской протестантской школе, – Онесим Несиб и Астер Ганна – перевели на язык оромо «Библию». Заслуга Онесима Несиба не только в осуществлении данного перевода, но и в составлении словаря языка оромо и формировании современной светской литературной традиции. Особенно велико влияние творчества Онесима Несиба было в западноэфиопской провинции Уоллега, где его произведения читались на публичных собраниях: грамотные читали, остальные – слушали [1, р. 328-331].

Если на западе Эфиопии литературная традиция оромо формировалась, во многом, под влиянием протестантского прозелитизма, то в восточной части страны – в провинции Харарге (с центром в Харэре) литературный язык оромо формировался в атмосфере исламской учености. В частности, в 1956 году педагог и поэт шейх Абубакар Усман Ода («Бакри Сапало») тайно разработал оригинальную знаковую систему для языка оромо. Автор обучил этой системе учеников своей школы, а те обучали своих учеников, использовали новый алфавит в личной переписке. Так продолжалось почти десять лет – пока власти не обратили на это внимание [6, р. 553].

¹ Распространена точка зрения, что египетская оккупация Харэра в 1875-1884 гг. повлияла на исламизацию оромо сильнее, чем деятельность эмиров. Это обосновывают тем, что египетская администрация физически устранила выборные

органы оромо и ввела новую систему землепользования, побудившую многих оромо перейти к земледелию.

² Речь шла не о плантационном выращивании кофе, а сборе свободно произраставшего кофе.

Все же, немногочисленные школы с обучением на языке оромо были формально закрыты по императорскому указу 1943 года, одновременно было запрещено издание и распространение литературы на оромо. Государственным языком был провозглашен амхарский язык, который начали внедрять даже в начальные школы в регионах, где местное население не знало амхарского. Из-за этого многие дети достаточно быстро бросали школу: в 60-е гг. XX столетия в южных регионах, где преимущественно проживают оромо, до 80% школьников бросало учебу до шестого класса. Соответственно, уровень грамотности среди оромо оставался низким [1, р. 336].

К 60-м гг. XX в. в Эфиопии проявился интересный парадокс, который заключался в том, что власти стремились проводить политику амхаризации, своеобразного «окультуривания» народов юга и запада, но эта политика явно не достигала своей цели. Одновременно, попытки развивать культуру оромо официально считались ненужными, отдельные знатные оромо предпринимали попытки на свой страх и риск (как знаменитый шейх Бакри Сапало). Такая ситуация вызывала недовольство трех групп оромо. Во-первых, оромо-лоялисты, имевшие отношение к имперской администрации, стремились как-то смягчить политику власти в отношении оромо. Во-вторых, немногочисленные вестернизированные интеллектулы-оромо (прежде всего, студенты) ощущали дискомфорт по поводу своего статуса в обществе (статус человека в Эфиопии во многом определялся происхождением, в данном случае – принадлежностью к оромо). В-третьих, многие крестьяне-оромо испытывали все большую эксплуатацию со стороны знати и государства¹.

Под руководством оромо-лоялистов возникло несколько организаций социальной помощи, которые в 1963-1964 гг. сформировали Общество «Мачо-Тулама» – название совпадало с этнонимами групп оромо, проживавших в окрестностях Аддис-Абебы и в верхнем течении р. Голубой Нил. Цели Общества, говоря современным языком, заключались в строительстве социальной инфраструктуры (больниц, школ, дорог) и в поощрении межрелигиозного диалога. Помимо социальных вопросов, данная организация активно занялась культурно-массовой работой

– поощряла создание музыкальных коллективов, театральных трупп. Организацию возглавил имперский генерал Тадессе Биру. Несмотря на отсутствие у «Мачо-Тулама» политических требований, общество было распущено в 1966 году, а его лидеры арестованы. Причина столь жесткой реакции властей заключалась в том, что у данной организации были налажены контакты с восставшими крестьянами-оромо в провинции Бале (юго-восток империи), которых снабжали оружием сомалийские власти. Хотя опыт «Мачо-Тулама» в современной историографии, в основном, оценивается как успешный, разгром данной организации надолго устранил возможность нерадикальной оппозиции оромо – сначала имперскому, а затем и социалистическому режиму [7, р. 169-171].

Приблизительно с 1970-х гг. началась вооруженная борьба отдельных радикальных групп оромо против правящего режима Эфиопии. Помимо перехода некоторых лиц к вооруженной борьбе за права целого этноса, произошло еще несколько важных изменений. Во-первых, стало закрепляться название «оромо» вместо многовекового этнонима «галла» из эфиопских официальных документов. Во-вторых, произошел окончательный переход письменности оромо на латиницу – остальные варианты (абугида, адаптированная арабская вязь) были окончательно отвергнуты. Наконец, в-третьих, появились многочисленные политические организации оромо, которые способствуют формированию национального самосознания разрозненных групп, кланов и субэтносов оромо (Фронт освобождения оромо, Исламский фронт освобождения оромо, Объединенный фронт освобождения народа оромо, Фронт освобождения оромо «Аббо»). Эти организации значительно ослабили вековое деление на «городских» и «сельских» оромо, способствовали поиску общих интересов – хотя и не без фракционной и личной борьбы.

Сегодня процесс национальной идентичности оромо продолжается. Пока не совсем ясно, что значит – быть оромо. Оромо-анимисты почитают верховного духа Ваку, анимисты-земледельцы – женский дух Антете. Существуют синкретические культы: многие отождествляют Ваку с Аллахом, а Антете – с Девой

¹ Во многих провинциях крестьяне были должны содержать в порядке дороги, общественные здания, а также де-факто оплачивать само право пользования землей – помимо выплат от урожая.

Марией. Приблизительно треть оромо составляют христиане, в основном, связанные с Эфиопской православной церковью, свыше поло-

вины – мусульмане. Хотя разделительных линий остается много, но процесс пробуждения общей для оромо идентичности продолжается.

Список литературы

1. Bulcha M. The politics of linguistic homogenization in Ethiopia and the conflict over the status of Afaan Oromoo // African Affairs. 1997. Vol.96, № 384. pp. 325–352
2. Caulk R.A. Harär Town and Its Neighbours in the Nineteenth Century // The Journal of African History. 1977. Vol. 18, № 3. pp. 369-386
3. Dugassa B.F. Knowledge, Identity and Power: The Case of Ethiopia and Ethiopianess // The Journal of Oromo Studies. 2006. Vol. 13, № 1-2. pp. 57-81
4. Etefa T. Pan-Oromo Confederations in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Journal of Oromo Studies. 2008. Vol. 15, № 1. pp. 19-40
5. Hassen M. The Oromo and the Christian Kingdom of Ethiopia: 1300-1700. Woodbridge: James Currey, 2015.
6. Hayward R.J., Hassan M. The Oromo Orthography of Shaykh Bakri Sapalō // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1981. Vol. 44, № 3. pp. 550-566
7. Jalata A. The Emergence of Oromo Nationalism and Ethiopian Reaction // Social Justice. 1995. Vol. 22, № 3 (61). pp. 165-189

THE DEVELOPMENT OF THE ETHNIC IDENTITY OF THE OROMO PEOPLE AND THE POLITICAL PROCESSES IN ETHIOPIA IN XVII-XX CENTURIES

The article examines the evolution of the ethnic identity of the Oromo people under the political conditions of the Ethiopian Empire. The presence of religious, territorial, socio-economic dividing lines is a result of the process of settling Oromo in the territory to the south and west neighborhood of Ethiopia. Many internal differences between the Oromo were caused by the fact that part of the Oromo became part of the empire, and some representatives even became part of the Ethiopian imperial elite, while the other Oromo groups ended up in Ethiopia only at the end of the 19th century with no affection for the Ethiopian state. The author comes to the conclusion that a new quality of Oromo identity evolves. It is based on the emergence of common political and cultural interests.

Keywords: Ethiopia, Oromo, Galla, Empire, national identity.

References

1. Bulcha M. The politics of linguistic homogenization in Ethiopia and the conflict over the status of Afaan Oromoo // African Affairs. 1997. Vol.96, № 384. pp. 325–352
2. Caulk R.A. Harär Town and Its Neighbours in the Nineteenth Century // The Journal of African History. 1977. Vol. 18, № 3. pp. 369-386
3. Dugassa B.F. Knowledge, Identity and Power: The Case of Ethiopia and Ethiopianess // The Journal of Oromo Studies. 2006. Vol. 13, № 1-2. pp. 57-81
4. Etefa T. Pan-Oromo Confederations in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Journal of Oromo Studies. 2008. Vol. 15, № 1. pp. 19-40
5. Hassen M. The Oromo and the Christian Kingdom of Ethiopia: 1300-1700. Woodbridge: James Currey, 2015.
6. Hayward R.J., Hassan M. The Oromo Orthography of Shaykh Bakri Sapalō // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1981. Vol. 44, № 3. pp. 550-566
7. Jalata A. The Emergence of Oromo Nationalism and Ethiopian Reaction // Social Justice. 1995. Vol. 22, № 3 (61). pp. 165-189

Об авторе

Лошкарёв Иван Дмитриевич – преподаватель кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: kixlo@rambler.ru

Loshkariov Ivan Dmoitrievich – Lecturer at the Political Theory Department of Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: kixlo@rambler.ru